

Тюркские элементы в составе орнитонимов в калмыцком языке

Turkic Elements in Kalmyk Ornithonyms

С. М. Трофимова (S. Trofimova)¹, В. В. Куканова (V. Kukanova)²

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и общего языкознания, Калмыцкий государственный университет (г. Элиста). E-mail: trofimovasm@mail.ru

Ph.D. in Philology (Doctor of Philological Sciences), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Kalmyk State University. E-mail: trofimovasm@mail.ru

² кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Ph. D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: vika.kukanova@gmail.com

Аннотация. В статье на материале калмыцкого языка с привлечением в необходимых случаях монгольского, бурятского и старописьменного монгольского и других языков рассматривается тематическая группа орнитологической лексики на предмет выявления тюрко-монгольских параллелей. Для большей убедительности, что приводимая тюркская параллель имеет именно тюркский характер, тюркский материал был взят из «Древнетюркского словаря», а также из словарей казахского, ногойского, татарского, башкирского и других языков, как языков ближайших соседей калмыков, с которыми они контактировали. Рассмотренные термины, помимо сравнительного материала из монгольских и тюркских языков, сопровождалась также сравнительно-историческим и этимологическим анализами, в результате которых выявилось тюркское происхождение установленных тюрко-монгольских параллелей в составе орнитологической лексики калмыцкого языка. При этом установлено, что ряд терминов, помимо калмыцкого языка, бытует также в халха-монгольском, бурятском языках и зафиксирован в старописьменном монгольском языке. Это говорит о том, что данные термины сохраняются в калмыцком языке еще с тех пор, когда предки калмыков — ойраты жили в степях Центральной Азии вместе с монголами и контактировали с древними тюрками, от которых заимствовали эти термины. Многие орнитологические термины представлены только в калмыцком языке и совпадают с таковыми в казахском, ногойском, татарском и башкирском языках, поскольку заимствованы калмыками из этих языков в результате поздних контактов.

Ключевые слова: калмыцкий язык, монгольские языки, древнетюркский язык, казахский язык, ногойский язык, татарский язык, башкирский язык, языковые контакты, заимствования, орнитонимы.

Abstract. With evidence from the Kalmyk language as well as, when necessary, Mongolian, Buryat and old-script Mongolian, the article considers the thematic group of ornithological lexics in order to identify Turkic-Mongolian lexical parallels. To confirm a Turkic parallel is actually of Turkic origin, Turkic materials were borrowed from the Old-Turkic Dictionary and dictionaries of Kazakh, Nogai, Tatar, Bashkir and other languages, i.e. the languages of the Kalmyks' neighboring peoples they had been in continuous contacts with. Apart from comparative materials from Mongolic and Turkic languages, the considered terms were also subject to comparative historical and etymological analyses which revealed the Turkic origin of the identified Turkic-Mongolian parallels within the Kalmyk ornithological lexics. It was established that a number of the terms exist not only in Kalmyk but also in Khalkha-Mongolian, Buryat and had been recorded in old-script Mongolian. This signifies that the terms have been existing in the Kalmyk language ever since the Kalmyks' ancestors — the Oirats — inhabited the steppes of Central Asia together with other Mongols and contacted the ancient Turks from whom they borrowed those terms. Many of the ornithological terms can be found in Kalmyk only and coincide with those in Kazakh, Nogai and Bashkir for, as is evident, they were borrowed from the mentioned languages as a result of later contacts.

Keywords: Kalmyk language, Mongolic languages, Old Turkic language, Kazakh language, Nogai language, Tatar language, Bashkir language, linguistic contacts, borrowings, ornithonyms.

Калмыцкий язык принадлежит группе монгольских языков и развивался около 400 лет изолированно от языков северо-западного ареала монгольских языков — ойратского, халха-монгольского, бурятского языков. Но, тем не менее, предки тесно контактировали с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими народами, взаимодействуя с ними на различных уровнях, в том числе и на языковом. Исследователи не раз отмечали, что лексика и грамматика двух разных групп языков — монгольских и тюркских — обладает значительным сходством. В результате наблюдений, сопоставления и сравнения и, следовательно, выявления параллелей на в большой степени лексическом и грамматическом уровне появилась теория о бывшем генетическом родстве этих языков, впоследствии названной алтайской.

Вслед за Ц.-Д. Номинхановым и В.И. Рассадиным, тюрко-монгольские параллели выявляются на материале отдельных тематических групп лексики, что позволяет сделать выводы касательно одной микросистемы. При анализе лексического материала на предмет тюрко-монгольских элементов мы ограничились сведени-

ями из древнетюркского, современного казахского, башкирского, таджикского, киргизского, татарского, ногайского, монгольского, бурятского языков. Данные были получены из следующих источников: «Древнетюркский словарь» [1969], «Русско-казахский словарь» [1954], «Русско-башкирский словарь» [1964], «Русско-киргизский словарь» [РКС], «Русско-татарский словарь» [РТС], «Русско-ногайский словарь» [1956], «Большой академический монгольско-русский словарь» [2001; 2001; 2001; 2002], «Бурятско-русский словарь» [2010; 2010], «Калмыцко-русский словарь» [1977], «Русско-калмыцкий словарь» [1964]. В целях установления этимологии и архетипов использовалась «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика» [2001]. Целью данной работы стало рассмотрение орнитонимов в сравнительно-историческом аспекте, при необходимости будет комментироваться.

Материалом послужили калмыцкие орнитонимы, включающие названия птиц. «Общепризнанно, что птицы играют важную роль в мифологиях всех народов мира» [СИГТЯ 2006: 699]. Несомненно, что тематическая группа, обозначающая птиц, принадлежит к наиболее древнему лексическому пласту, составлявшему основу дописьменного языка. Известно, с древних времен предки калмыков — ойраты — занимались охотой при помощи птиц. Значительно часто упоминаются или являются главными действующими персонажами образы различных птиц в фольклорных произведениях (сказках, эпосе «Джангар», легендах, мифах и др.). В современном калмыцком обществе носители как русского, так и калмыцкого языков птиц не дифференцируют по своему роду, виду, подвиду, поскольку уже человек не так близок к природе, как раньше, когда она была неотъемлемой частью жизни, которая давала пропитание, одежду и т. д. Ср. «В настоящее время бытование их (слов. — прим. авторов С. Т., В. К.) значительно сократилось — встречаются довольно редко, лишь в языке людей преклонного возраста» [Бардаев 1988: 156].

В калмыцком языке указанная тематическая группа лексики частично изучалась на предмет сопоставления с монгольскими и тюркскими языками. В 1980-х гг. были опубликованы работы

Э.Ч. Бардаева, где ученый исследовал названия птиц в сопоставлении с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками [1983; 1988]. Кроме того, Ц.-Д. Номинханов также исследовал наиболее значимую с исторической точки зрения лексику на калмыцком языке, рассматривая ее по отдельным тематическим группам [1975]. Авторы Предисловия к труду Ц.-Д. Номинханова совершенно справедливо отмечают, что «выявление соответствий в „малопроницаемых“ разделах лексики, как названия частей тела человека и другие, доказывает о значительном совпадении монгольских и тюркских наименований, которые едва ли можно объяснить во всех случаях, исходя из теории заимствования» [Номинханов 1975: 3].

Анализируемая группа лексических единиц нельзя отнести к группе слов, которые однозначно относятся к результату конвергенции, взаимным заимствованиям, поскольку не ясно, кто у кого заимствовал их, когда это произошло, какое происхождение этих слов — монгольское, тюркское или вообще тунгусо-маньчжурское. Корневых основ весьма большое количество. Однако сейчас мы можем констатировать, что существуют параллели в языках указанных языковых семей, поскольку отсутствуют в нашем распоряжении наиболее древние языковые факты письменного характера, а также не проанализирован весь пласт лексики на предмет соответствий. Возможно, что их можно отнести к некоей общности — общему монголо-тюркскому пласту, общему монголо-тюрко-тунгусо-маньчжурскому пласту, общему монголо-тунгусо-маньчжурскому пласту, общему тюрко-тунгусо-маньчжурскому пласту.

Калм. *итлг* [ителге] ‘балобан’ [Бардаев 1983: 132] = тюрк.: каз. *ителгі*, кирг. *ителги*. В татарском и узбекском параллелей не выявлено. Корни в калмыцком, казахском, киргизском совпадают. В удэгейском и эвенкийском языках представлено другое слово с незначительными расхождениями: *силэхи* [РУС: 94] и *сили* [РЭС: 14] соответственно.

Калм. *бүргд* [КРС 1977: 36] ‘беркут’ = тюрк.: каз. *буркит* [РКазС: 43]; башк. *бөркөт* [РБС: 49]; тадж. *бургут* [РТС: 57]; кирг. *бүркү*; тат. *бөркет*; узб. *бургут*. Это слово имеется и в других монгольских языках: монг. *бүргэд* [БАМРС 2001: 304]; бур. *бүргэд* [МБРС:

136]. Согласно «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков...» [2001: 169], данное слово представлено в двенадцати тюркских языках со значением «беркут, орел». Из тюркских языков данное слово было заимствовано в монгольские языки и в калмыцком языке сохраняется по сей день с того времени, когда предки калмыков — ойраты — жили в Центральной Азии по соседству с древними тюрками. Параллельно со словом *бүргд* в калмыцком языке функционирует и лексическая единица *һәрд* [РКС: 397], которая также обозначает птицу ‘орел’ и которая не имеет параллелей в тюркских языках, являясь санскритским заимствованием *गरुडः garuḍaḥ* [Бардаев 1985: 89]. В проанализированных тюркских языках в качестве единицы, обозначающей орла, используются слова, формы которых были реконструированы лингвистами-компаративистами как *ka:rtu-, *bürküt [СИГТЯ 2001: 169]: каз. *бүркіт* [РКазС: 461]; башк. *бөркөт* [РБС: 490]; тат. *бөркет, каракош*; узб. *бургут; карагус* [РНС: 385]; монг. *бiргэд*. В современных тюркских языках значение ‘орел; беркут’ совпадает у следующей лексической единицы — *bürküt. Что касается *ka:rtu-, то, по мнению авторов [СИГТЯ 2001: 169], производные от *ka:rtu- в части тюркских языков имеют разные значения: орел — ср.-уйг., ср.-кыпч., чаг., ст.-осм., кар., сюг.; сокол, беркут — ср.-кыпч.; ястреб, сокол — каб.-балк., кирг., алт., хак., тув., тоф.; ястреб, серая сова — як.). В тунгусо-маньчжурских языках встречаются слова удэг. *к'яса, муйи* [РУС: 135], эвенк. *киран* [РЭС: 250].

Калм. *богшурһа* ‘воробей’ не имеет параллелей в тюркских языках: каз. *шымышык* [РКазС: 93]; башк. *тургай* [РБС: 101]; кирг. *таранчы*; тат. *чыпчык*; узб. *чумчуж*; ног. *торгай* [РНС: 92], причем источники делятся на три группы: с одной стороны, каз., тат., узб.; с другой — башк., ног.; с третьей — кирг. Указанное слово с тем же самым значением бытует и в других монгольских языках: халх. *богшоодой*; монг. *богширго* [БАМРС 2001а: 251]; бур. *борбилоо* [БМРС: 114]. В тунгусо-маньчжурских языках слово функционирует в следующем виде: удэг. *чивяу* [РУС: 102] и эвенк. *читича* [РЭС: 51], — которое не совпадает с калмыцким вариантом.

Калм. *керэ* [Бардаев 1983: 132] ‘ворона’ = тюрк.: каз. *ала қарға*

[РКазС: 93]; башк. *ала карга* [РБС: 101]; кирг. *карга*; тат. *карга*; узб. *қарга*; ног. *карга* [РНС: 92]. В десяти тюркских языках данное слово встречается с тем же значением. В других монгольских языках тюркизм отсутствует: монг. *турлааг*, *хар торуу* [БСРМС: 48]; бур. *турлааг*. По мнению Э.Ч. Бардаева, в калмыцком языке употребляется лексическая единица *турлаг* ‘ворона’, с незначительными отклонениями сходная с вариантом, который представлен в монгольском и бурятском языках [Бардаев 1983: 136]. Мы согласны с мнением ученых, которое заключается в том, что именование вороны по своему происхождению является звукоподражанием карканию птицы [ЭСТЯ 1997: 304] и служит общим наименованием птиц семейства вороновых (вороны, галки, грачи) [Сундуева 2011: 30]. Интересно, что форма в калмыцком языке *турлаг* совпадает с формой в эвенкийском языке: *туракй* [РЭС: 51].

Калм. *көгләрһн* [КРС: 119] ‘голубь’ = тюрк: каз. *көгеришн* [РКазС: 134]; башк. *күгәрсен* [РБС: 146]; кирг. *көгүчкөн*; тат. *күгәрчен*. В двадцати одном тюркском языке встречается данная лексическая единица с идентичным значением. В тюркских языках распространена и другая лексическая единица, обозначающая голубя: кирг. *кептер*; узб. *каптар*. В монгольских языках функционируют следующие единицы: монг. *тагтаа*, *хүүрэгэнэ* [БСРМС: 71]; бур. *гулабхаа*, — которые не совпадают с калмыцким словом. В калмыцком языке Э.Ч. Бардаев зафиксировал слово *тагтаһа* ‘горлица обыкновенная’, птица, относящая к роду голубиных. Как видно, этот, видимо, диалектный вариант сходен с монгольским словом.

Калм. *һалуң* [КРС: 126] ‘гусь’ не относится к заимствованиям из тюркских языков, поскольку в тюркских языках данный денотат обозначается словом каз. *қаз* [РКазС: 143]; башк. *қаз* [РБС: 156]; кирг. *каз*; тат. *каз*; узб. *ғоз*; ног. *каз* [РНС: 141]. В монгольских языках указанная птица носит название бур. *галуу(н)* [БМРС: 158], монг. *галуу(н)* [БАМРС 2001а: 369]. Данное слово является общемонгольским, поскольку имеет одинаковый корень. В эвенкийском языке бытует слово *нюңнякй* [РЭС: 88], в удэгейском языке — *нюңн’яи* [РУС: 108]. В монгольских языках слово образовано при помощи аффикса *-ун-* (так же, как *шовун* ‘птица’, *тоһрун* ‘журавль’).

В калмыцком языке функционируют две лексические единицы, обозначающий птицу ‘дятел’ — *шонтл* [КРС: 155; Бардаев 1983: 140], *тоңшуур* [Бардаев 1983: 136]. В тюркских языках известны следующие лексические единицы: каз. *тоқылдақ* [РКазС: 176]; башк. *тумыртка* [РБС: 191]; кирг. *тоцкулдак*, *кызыл ышта*; тат. *тукран*; узб. *қизилиштон*; ног. *токылдак кус* [РНС: 171]. Во всех приведенных тюркских языках, кроме узбекского, слово совпадает. В других монгольских языках именование дятла схоже с незначительными изменениями с вторым вариантом, зафиксированным Э.Ч. Бардаевым, — монг. *тоншуул* [БАМРС 2001в: 225]; бур. *тонишуул* [МБС: 441]. Скорее всего, основа мотивирована звукоподражанием стуку по дереву.

Калм. *торһа* [РКС: 158; Бардаев 1983: 136] ‘жаворонок’ = тюрк.: каз. боз *торгай* [РКазС: 180]; башк. *һабан тургайы* [РБС: 195]; кирг. *торго*; тат. *тургай*, *сабан тургае*; узб. *тўрғай*; ног. *боз торгай* [РНС: 174]. В отличие от лексических единиц, представленных в других монгольских языках, данное слово является несомненно тюркизмом, в монг. *болжмор* ‘жаворонок, воробей’ [БАМРС 2001а: 257]; бур. *булжамуур* [БМРС: 122]. Согласно [СИГТЯ 2001: 176], восстанавливают алтайский прототип следующим образом: «ПА **t'uraG* ‘врановая птица’: ТМ **turakaj* ‘галка, ворона’ (ССТМЯ II 218)». Напомним, что в калмыцком языке бытует слово *турлағ* ‘ворона’, почти сходное с *торһа*.

Калм. *тоһрун* [РКС 163; Бардаев 1983: 135] ‘журавль’ не понятно, является ли это заимствованием из тюркского языка, однако в монг. *тогоруу(н)* [БАМРС 2001в: 213] и бур. *тохоруун* [БМРС: 445]. В тюркских языках встречаются каз. *тырна* [РКазС: 186]; башк. *торна* [РБС: 202]; кирг. *турна*; тат. *торна*; узб. *турна*; ног. *турна* [РНС: 178]. Но в то же время в тунгусо-маньчжурских языках функционируют другие лексические единицы: эвенк. *карав*, *гаса* [РЭС: 112] и удэг. хуисэ [РУС: 113].

Калм. *хоңшар* [236] ‘клюв’ является общемонгольской лексемой, ср. монг. *хошуу* [БАМРС 2002: 123]. В тюркских языках обнаружено следующие лексические единицы: каз. *тұмсық* [РКазС: 277]; башк. *сукыш* [РБС: 302]; кирг. *тумшук*; тат. *томшык*, *кош борыны*;

узб. *қуш тумишуги*; *кус бурны* [РНС: 251]. Выделяется общая форма каз. *тұмсық*; кирг. *тумишук*; тат. *томышык*. ар. *тунсар*

Калм. *живр* [PKC: 260] ‘крыло’ имеет одинаковую форму с монг. *жигүүр* [БАМРС 2001б: 166]; в бур. же обнаружена форма *дали* [БМРС: 202]. В тюркских же языках известны лексические единицы: каз. *қанат* [PKазС: 304]; башк. *канат* [РБС: 331]; кирг. *канат*; тат. *канат*; *катлау*; узб. *қанот*; ног. *канат* [РНС: 273].

Слово ‘кукушка’ в калмыцком языке встречаются *цоклур* [PKC: 261], а также *көкә* [Бардаев 1983: 133], *көкүг* [Бардаев 1983: 133]. Последние варианты соотносятся с данными из тюркских языков: каз. *көкек* [PKазС: 305]; башк. *кәкүк* [РБС: 332]; кирг. *күкү*; тат. *күке*, *кәккүк*; узб. *каккү*; ног. *көкөк* [РНС: 275]. В монгольских языках встречается такая же форма, как и в тюркских: бур. *хүхы* [БМРС: 619], монг. *хөхөө* [БАМРС 2002: 150]. Следовательно, данную лексическую единицу можно отнести к тюркизмам.

Калм. *така* [PKC: 263; Бардаев 1983: 135] ‘курица’ = тюрк.: каз. *тауық* [PKазС: 307]; башк. *тауык* [РБС: 334]; кирг. *тоок*; тат. *тавык*; узб. *товук*; ног. *тавык* [276]. В других монгольских языках бытует данная лексическая единица: монг. *тахиа* [БАМРС 2001в: 203]; бур. *тахяа* [БМРС: 432].

Калм. *йотун* [PKC: 263] ‘куропатка’ является совпадает с данными из монгольского языка: монг. *ятуу* [БАМРС 2002: 470], — хотя в бурятском языке птица называется *торхируу(н)* [БМРС: 444], а тюркских языках бытуют следующие формы: каз. *құр* [PKазС: 307]; башк. *агуна* [РБС: 335]; кирг. *чил*; тат. *көртлек*, *кыр тавыгы*; узб. *каклик*; ног. *кыр тавык* [РНС: 276].

Калм. *харада* [PKC: 265; Бардаев 1983: 138] ‘ласточка’ = тюрк.: каз. *қарлығаш* [PKазС: 310]; башк. *карлуғас* [РБС: 338]; тат. *карлыгач*; узб. *қалдирғоч*; ног. *карлығаш* [РНС: 279]. Согласно данным [СИГТЯ 2001: 175], в двадцати пяти тюркских языках бытует данная форма слова. По мнению авторов [СИГТЮ 2001: 176], возможна «внешняя параллель: монг. *qagaуагаи* ‘ласточка’ (KWb 168), заимствованное в ряд тюркских языков». Ср. араб. *harada* ‘ласточка’. Видимо, из общемонгольско-тюркской общности проникло в арабский язык.

Калм. *хун* [РКС: 266; Бардаев 1983: 138] ‘лебедь’ = тюрк.: каз. *аққу* [РКазС: 311]; башк. *аккош* [РБС: 339]; кирг. *ак ку*; тат. *аккош*; узб. *оққуш*; ног. *аккув* [РНС: 279]. Данная лексема встречается и в других монгольских языках: монг. *хун шувуу* [БАМРС 2002: 166], бур. *хун(э)* [БМРС: 593]. Во всех источниках значение ‘лебедь’. Реконструируемая форма, согласно [СИГТЯ 2001: 171], **kogi*.

Калм. *начн, шоңхр* [РКС: 667; Бардаев 1983: 141] ‘сокол’ = тюрк.: каз. *сұңқар* [РКазС: 764]; башк. *ыласын* [РБС: 805]; кирг. *ылаачын, шумкар*; тат. *лачын*; узб. *лочин*; ног. *лашын* [РНС: 584]. монг. *шонхор шувуу* [БАМРС 2002: 368], бур. *шонхор* ‘сокол, кричат’ [БМРС: 699].

Калм. *алг шаазһа* [РКС: 670; Бардаев 1983: 140] ‘сорока’ = тюрк.: каз. *сауысқан* [РКазС: 769]; башк. *һайысқан* [РБС: 809]; кирг. *сағызган*; тат. *саескан*; узб. *зағизгон*; ног. *савыскан* [РНС: 587]. Во многом тюркская форма с незначительными расхождениями совпадает с монг. *шаазгай* [БАМРС 2002: 325], бур. *шаазгай* [БМРС: 681].

Калм. *хур* [РКС: 704; Бардаев 1983: 138] ‘тетерев’ = тюрк. каз. *құр* [РКазС: 812]; башк. *кор* [РБС: 853]; кирг. *каракур*; тат. *көртлек*; узб. *карқур*; хотя в ног. *даньыл тавык* [РНС: 619]. Бытует данная лексическая единица и в монг. *эр хур* [БАМРС 2002: 167], бур. *хура* [БМРС: 593]. Практически такая же форма встречается в эвенк. *хорокй* [РЭС: 441], где корень совпадает с тюркской и монгольской формой.

Калм. *зерлг така* [РКС: 749], *һурһул* [Бардаев 1983: 130], *һорһл* [Номинханов 1975: 193] *кирһул* [Бардаев 1983: 133] ‘фазан’ = тюрк.: каз. *қырғауыл* [РКазС: 860]; башк. *қырғауыл* [РБС: 906]; кирг. *қыр-гоо*; тат. *қырғавыл*; узб. *қирғовул*; монг. *гургуул* [БАМРС 2001а: 463], бур. *горгол*.

Калм. *харцх* [РКС: 796; Бардаев 1983: 138] ‘ястреб’ = тюрк.: каз. *қаршыға* [РКазС: 925]; башк. *карсыға* [РБС: 975]; кирг. *карчыға*; тат. *карчыға*; узб. *қирғий*; ног. *каршыға кус* [РНС: 726]; монг. *харцгай* [БАМРС 2002: 62]; бур. *харсага* [БМРС: 557].

Калм. *көк хутн* [РКС: 763], *деглэ* [131] ‘цапля’ каз. *көкқұтан* [РКазС: 882]; башк. *селән* [РБС: 929]; кирг. *кыта*; тат. *челән*; узб. *қарқара*; ног. *кутан* [РНС: 689]; монг. *дэглий* [БАМРС 2001б: 102]; бур. *хилэн(г)* [БМРС: 569].

Как можно видеть из приведенного выше анализа, в калмыцком языке представлено довольно заметное количество тюрко-монгольских параллелей среди названий птиц. Некоторые из них представлены и в других монгольских языках, так как бытуют в калмыцком языке еще с тех времен, когда предки калмыков жили в степях Центральной Азии рядом с монголами. С другими же птицами калмыки познакомились уже на своей новой родине, переняв их вместе с названиями у соседних тюрков, с которыми контактировали. Видимо, некогда существовало общее языковое единство монгольских и тюркских народов, языки которых сначала входили в один язык, а затем после разделения длительное время взаимодействовали.

Сокращения

башк. — башкирский, бур. — бурятский, каз. — казахский, калм. — калмыцкий, кирг. — киргизский, монг. — монгольский, ног. — ногойский, тат. — татарский, тюрк. — тюркский, удэг. — удэгейский, узб. — узбекский, эвен. — эвенкийский

Литература

БАМРС 2001а — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 1. М.: Academia, 2001. 486 с.

БАМРС 2001б — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 2. М.: Academia, 2001. 507 с.

БАМРС 2001в — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 3. М.: Academia, 2001. 438 с.

БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 4. М.: Academia, 2002. 506 с.

Бардаев Э. Ч. Калмыцкие названия птиц в тюрко-монгольских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках // Лексикологические исследования монгольских языков: Сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 156–164.

Бардаев Э. Ч. Названия птиц в калмыцком языке // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 123–141.

Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 161 с.

Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1994. 499 с.

Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 853 с.

- ДТС — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- КРС — Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- Номинханов Ц.Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. 328 с.
- РБС — Русско-башкирский словарь / отв. ред. К.З. Ахмеров. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 986 с.
- РКазС — Русско-казахский словарь / под общей ред. д-ра фил. наук, проф. Н.Т. Сауранбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. 936 с.
- РКС — Русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.
- РНС — Русско-ногайский словарь / под ред. проф. Н.А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 728 с.
- РУС — Гирфанова А.Х.* Словарь удэгейско-русский и русско-удэгейский. СПб.: Дрофа, 2002. 176 с.
- СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика. М.: Наука, 2001. 882 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Сундуева Е.В.* Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневым согласным [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
- Чимитдоржиева Г.Н.* Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 212 с.